

Глава 17. Спасённые жизни, вести о войне и безмолвие среди мечелистника

Спустя два часа Ся Цзинго и Фэн Фулин уже были в относительной безопасности — их приютили в гостевых покоях школы Облачного Меча. Обитель почти не пострадала от недавних потрясений, так что обоим удалось смыть дорожную грязь и переодеться в свежие, почти подходящие по размеру одежды. От бывшего жалкого вида не осталось и следа. Вот только из-за обилия раненых в жилых корпусах царила страшная теснота, и подросткам пришлось делить одну комнату на двоих.

Ся Цзинго сидел неподвижно, сжимая в ладони треснувшее черное зеркало, и ни на что не реагировал.

Как и уверял Цзинго, заклинатели не стали бросать раненых на произвол судьбы. Фэн Фулину обработали порезы, наложили чистые повязки, и сейчас он выглядел даже бодрее своего невредимого спутника. Тот пребывал в глубоком оцепенении. Пожалуй, единственным утешением служило то, что adeпты школы Облачного Меча проверили руины внизу: глубоко под землей всё ещё теплился защитный барьер. Ослабевший, готовый вот-вот развеяться, но устоявший. Значит, Сян Жун и Сян Юй пока были живы.

Но возникло другое препятствие. Обитель школы Облачного Меча, хоть и рухнула с небес, сохранила мощный внутренний купол — именно благодаря ему здания уцелели при падении с такой головокружительной высоты. Обычным ученикам этот заслон был не под силу. Чтобы вызволить брата и сестру Сян, требовалось дожидаться главы школы: только он мог открыть проход в барьере. Впрочем, даже это было бесконечно лучше ужасной мысли о том, что ребят раздавило насмерть.

Спасителем их оказался молодой заклинатель по имени Мо Уьи. На вид ему было не дать больше девятнадцати, хотя истинный возраст практиков редко совпадает с внешностью. Слегка небрежный в манерах, легкомысленный с виду, он обладал на редкость добрым сердцем. Патрулируя окрестности на мече, Уьи заметил внизу вспышки духовной энергии и решил проверить, не отбился ли кто-то от своих. Увидев раненого Фэн Фулина, он без лишних расспросов забрал обоих мальчишек в обитель.

От него же Ся Цзинго узнал о делах в поднебесном мире.

Школа Облачного Меча прежде ютилась в глухом уголке Второго Неба. Когда полчища демонов хлынули через разорванные границы миров, крошечную обитель никто не должен был заметить. Однако их глава, учитель Мо Уьи, оказался человеком благородным и преданным долгу. Видя, как великие ордены гибнут один за другим — где от коварных предательств, где в неравных битвах, — он распахнул ворота для всех раненых и уцелевших беглецов.

Такое милосердие не осталось безнаказанным. Демоны быстро сообразили, в чём дело, и сокрушили барьер их небесного домена. Весь горный пик вместе с постройками рухнул вниз, а уцелевшие старейшины и старшие adeпты остались наверху, ведя отчаянный бой в вышине.

По словам Мо Уъи, враги действовали с дьявольским расчётом: они бросали превосходящие силы на заведомо слабых защитников. К примеру, против практиков Второго Неба выставили тварей, чья сила равнялась Четвёртому. Натиск был столь внезапным, что мир заклинателей не успел сплотиться. Сильнейшие мастера и затворники, искавшие просветления в уединённых малых мирах, даже не подозревали о катастрофе, запертые в своих медитациях. Война катилась по ущельям, не встречая должного отпора.

Пока старшие сражались на небесах, раненых и младших учеников спешно переправляли на землю, пытаясь укрыть в обломках обители.

Улучив минуту, Цзинго расспросил его о судьбе своей родной обители — Школы Девяти Великолепий. Сведения, которыми владел Мо Уъи, оказались скудными, но от того не менее страшными. О гибели великого ордена уже шептались повсюду. Девять священных столпов, державших свод, были сокрушены, а сама школа пала.

Глава школы, Ся Цинлу, вместе с шестью старейшинами и сорока двумя старшими учениками воздвиг Великую Сеть Небесного Покрова, встав насмерть против самого Владыки Демонов. Помощь из Небесных Чертогов всё не шла. Они держались трое суток, истекая кровью, и в конце концов все сорок девять человек пали на поле брани, но сумели нанести Владыке Демонов тяжелейшую рану. Лишь день спустя, оставшись без защитников, рухнула небесная опора.

Никто не знал, почему боги проигнорировали призыв.

Они обитали на Девятом Небе, и смертным не дано было постичь их мотивы и замыслы.

Для Мо Уъи это было лишь необъяснимым промедлением богов. Но для Ся Цзинго эти слова звучали дико. Как могли те, кто восседал в вышине, не отправить ни одного воина на выручку? Ведь сильнейший из демонов ударил именно по Школе Девяти Великолепий, а не по божественным садам!

Кто такой этот Владыка Демонов? Существо, способное объединить под своей дланью весь тёмный край, воитель, бившийся на равных с небесными генералами так, что содрогалась земля.

Без божественной помощи горстка смертных заклинателей, пусть даже великих, была обречена.

Теперь Цзинго наконец до конца понял, почему в последний миг отец безжалостно столкнул его с небес в мир смертных.

С трудом справившись с вихрем мыслей, Ся Цзинго поднял измученный взгляд на Фэн Фулина.

— Тебе лучше? — тихо спросил он. — Если да... я пройдусь немного.

Фэн Фулин лишь молча кивнул. Цзинго тяжело поднялся со стула и направился к двери.

— Твой отец... он был главой Школы Девяти Великолепий? — спросил Фулин ему в спину, догадавшись по созвучию фамилий.

Ся Цзинго замер у самого порога. Плечи его мелко задрожали, но он заставил себя медленно, утвердительно кивнуть.

— Прими мои соболезнования, — только и смог выдать из себя Фулин.

Слова сочувствия всегда звучат пусто. Они не способны унять тупую, выжигающую душу боль, когда мир вокруг рушится.

Цзинго стоял не шевелясь, словно пригвождённый к полу.

— Когда рухнула опора неба... я уже всё понял, — едва слышно, с трудом сдерживая рыдания, проговорил он. — Просто... не хотел верить. Боялся оказаться правым.

Фэн Фулин уловил дрожь в его голосе, но Цзинго так и не обернулся. Он лишь тихо шмыгнул носом, толкнул дверь и вышел наружу.

Фэн Фулин остался один. Полежав ещё немного, он почувствовал, как целебные мази заклинателей стягивают раны, возвращая телу былую легкость. Мысленно отдав должное искусству местных лекарей, он поднялся с постели. На душе было беспокойно — образ убитого горем Ся Цзинго не шел у него из головы. Время шло, а приятель всё не возвращался. Не выдержав, Фулин накинул верхние одежды и отправился на поиски.

Здесь пейзаж разительно отличался от величественных видов Девяти Великолепий — школа Облачного Меча парила гораздо ближе к земле, и природа здесь напоминала обычный смертный мир. Фулин вышел на просторную галерею и огляделся. Мимо то и дело сновали юные послушники с дымящимися отварами в руках. Перехватив одного из них, он спросил:

— Послушай, малец. Ты не видел тут парня в такой же ученической робе, как у тебя? Чужак, ростом примерно мне по переносицу.

Юный даос покачал головой:

— Нет, я только с кухни иду, никого такого не встречал.

— А есть здесь какое-нибудь тихое, заброшенное место поблизости?

— Хм... Разве что сад в глубине усадьбы. Там сейчас никого нет, все делом заняты. Иди прямо по этой тропе, не ошибёшься.

Поблагодарив послушника, Фулин направился в указанную сторону. Пробираясь мимо жилых корпусов, где стонали раненые, он думал о том, что Ся Цзинго наверняка забился в какой-нибудь глухой угол, чтобы выплакаться без свидетелей.

Дорога до сада заняла не больше четверти часа. Во внешнем мире правила бал суровая зимняя стужа, но здесь, под защитой угасающей магии, буйствовало настоящее лето. Фэн Фулин замер на пороге, поражённый открывшейся картиной. Растения, взращенные духовной силой заклинателей, достигли исполинских размеров. Обычные полевые лютики вымахали ему по пояс, а стебли декоративных подсолнухов уходили ввысь, соперничая с вековыми соснами. Среди этого великолепия цвели и вовсе невиданные, причудливые травы.

Лишь узкая тропинка, выложенная речной галькой, напоминала о том, что это творение рук человеческих.

Аккуратно раздвигая руками гигантские, упругие стебли, Фулин углубился в заросли.

Вскоре он заметил белую фигуру.

Ся Цзинго сидел на широком, жестком листе гигантского цветка, напоминающего мечелистник. Лист был настолько прочным и упругим, что заменял каменную скамью. Его темно-зелёные края скалились мелкими острыми зубцами, но мальчик, казалось, совсем не замечал опасности порезаться.

Одолженная ученическая роба сидела на нём мешковато, складки белой ткани мягко драпировали хрупкую фигуру. Подол робы, который Цзинго подобрал на колени, частично свисал вниз, едва заметно колыхаясь от искусственного теплого сквозняка, гулявшего по саду.

Со стороны он казался призрачным видением, затерянным в изумрудном море.

Фэн Фулин помедлил мгновение, а затем решительно шагнул вперед.

Цзинго вскинул голову на шорох шагов.

— Зачем пришёл? — негромко спросил он, прищурившись. — Твои раны так быстро не затянутся, иди в постель.

Фулин подошел ближе и без лишних слов уселся на соседний упругий лист. Он рассеянно

провел пальцем по зубчатому краю — лист оказался острым как бритва, и на подушечке тут же выступила крошечная алая капля. Не обращая внимания на саднивший палец, Фулин слизнул кровь и невозмутимо ответил:

— Думал, ты тут сидишь и реवेशь втихомолку.

— Я решил больше не плакать, — ровным, почти безразличным тоном произнес Цзинго.

Его глаза и впрямь оставались сухими, на бледном лице не было и следа слез. Он смотрел перед собой ясным, застывшим взглядом.

Фэн Фулин не нашелся с ответом. Удивительно: еще вчера этот парень рыдал навзрыд, сжимая в руках треснувшее зеркало, а сегодня в одночасье переменялся.

Фулин лениво пихнул носком сапога рыхлую землю под ногами. Комья сухой глины взлетели в воздух, рассыпаясь мелкой пылью, навсегда покидая насиженное место, где они покоились не один десяток лет.

"Слабые всегда такие, — подумал он. — Стоит дунуть ветру перемен, и тебя несет неведомо куда, лишая даже права на сопротивление"

Но через это проходили все. Рано или поздно.

Просто для каждого свой срок.

Сян Жун, Сян Юй, да и сам Фулин давно переросли то время, когда слезы приносили облегчение. Теперь этот рубеж перешагнул и Ся Цзинго. В один миг, сокрушенный потерей, он стал взрослым.

Ся Цзинго медленно поднял руку, указывая куда-то вдаль. Широкий рукав его робы задел щеку Фэн Фулина, оставив ощущение легкой щекотки. Фулин мягко отвел ткань в сторону и проследил за направлением его тонкого, бледного пальца. Тот указывал на голый глинистый холм, сиротливо выделявшийся на фоне пышной зелени сада — там барьер обители истончался до предела.

— Мо Уйи сказал, что Сян Жун и Сян Юй находятся прямо под этим склоном, — тихо произнес Цзинго. — Когда тебя перевязывали, я не стал говорить, чтобы ты не дергался. А потом, когда узнал об отце... совсем вылетело из головы. Мо Уйи обещал, как только закончит с ранеными, отправиться наверх и упротить своего главу спуститься и открыть проход... Но бои в вышине идут жаркие, неизвестно, уцелеет ли их наставник до завтра.

В груди Фэн Фулина снова поселилась тревога. Надеяться на милосердие бессмертных старейшин к двум обычным смертным из нижнего мира было глупо. Если битва не на жизнь, а

на смерть, кому дело до чужих детей, запертых в завале?

Цзинго соскользнул с листа мечелистника и аккуратно расправил помятые складки одеяния.

— Ты куда? — насторожился Фулин, поднимаясь следом.

— Найду Мо Уи. Пусть заберет меня с собой на поле боя.

— Тебе-то туда зачем?! — Фэн Фулин мертвой хваткой вцепился в его плечо, не пуская.

— Помогу, чем смогу, — Цзинго упрямо закусил губу и высвободил руку из его хватки. — Моя сила им пригодится. Отдыхай и жди меня здесь.

Фэн Фулин пристально взгляделся в его решительное лицо. В груди шевельнулось странное, теплое чувство. Неважно, шел ли Цзинго мстить за отца или просто хотел услужить школе Облачного Меча, чтобы их глава открыл проход для Сян Жуна и Сян Юй — этот шаг требовал безумной отваги. Но если Цзинго выдаст себя на поле боя, его ждет страшная участь. Фулин, хоть и не отличался книжной премудростью, прекрасно помнил старые легенды смертных: редкий дар, оставшийся без защиты мощного покровителя, неизбежно становится добычей для сильных мира сего.

Он серьезно посмотрел на друга и твердо произнес:

— Только не вздумай рассказывать им, как именно ты помогаешь в бою. Слышишь? Молчи о своем даре, иначе горько пожалеешь.

Ся Цзинго на мгновение замер. Сад наполнился теплым весенним ветром, шелестевшим исполинскими листьями.

— Хорошо, — после недолгой паузы тихо ответил он и слабо улыбнулся. — Я буду нем как рыба.

С этими словами он развернулся и быстро пошел прочь, оставив Фэн Фулина одного среди безмолвных исполинских трав.